

— Если, как ты утверждал ранее, «мы уже запрограммированы, наши нынешние и будущие мысли predetermined», то само понятие «воображения» не существовало бы. Если те, о ком ты говоришь, и вправду существуют, если они способны создать таких, как мы, наложить столько ограничений и полностью контролировать — тогда мы им попросту не нужны.

Лучший способ разбить чьи-то иллюзии — использовать его же аргументы.

Цзо И оживился:

— Нет! Всё как в романах: персонажи не знают, что они вымышлены, но каждое их слово и действие распланированы. Автор в любой момент может управлять их мыслями, а в непрописанных местах они развиваются свободно. Прямо как мы!

— А твои нынешние сомнения — они тоже заданы изначально?

В глазах Цзо И мелькнула неуверенность, но признавать этого он не хотел:

— Как может? Они не позволят данным в этом мире обнаружить себя. Я действую в той части, которую они не прописали. Мне лишь нужно найти способ выхода — будь то книга, яблоко или имя — чтобы сбросить оковы и выйти из-под их контроля.

— Как ты отличаешь, находишься ли ты в «заданной» части или в «незаданной»?

— Потому что я чувствую себя. Когда я следую программе, большая часть моего мозга бездействует — думать не требуется. И я ощущаю эту... неподконтрольность.

— «Наши воспоминания ложны, прошлое ложно... в мире нет ничего подлинного». Тогда может ли твоё ощущение быть истинным? — Пэн Цзэфэн ждал ответа.

Но Цзо И не находил, что сказать.

— И ещё: недавно ты сказал: «Зачем мне возвращаться в беспомощную реальность?» Так зачем же тогда ты ищешь выход?

— Потому что...

Звонок прервал его. Цзо И ответил и сказал Пэн Цзэфэну:

— Я в другой раз. За мной приехала сестра.

Пэн Цзэфэн: ...

Цзо И, конечно, просто воспользовался поводом уйти. Ответа у него не было.

Впрочем, если пациент хочет уйти, Пэн Цзэфэн не станет удерживать. Сеанс и так затянулся. Беспокоил его лишь поступок Цзо Цянь.

— Если не хочешь продолжать, подожди в машине минут десять? Я хочу поговорить с твоей сестрой.

— Если она не против, — Цзо И сделал вид, что сохраняет спокойствие, и вышел.

Примечание автора:

Временная линия продолжается после главы «Симбиоз» и перед второй половиной главы «Детство».

Цзо Цянь заняла место, где только что сидел брат.

— Ему просто нужна точка опоры. Возможно... вы что-то знаете? — спросил Пэн Цзэфэн.

— Если я не ошибаюсь, его состояние связано с гибелью возлюбленного в автокатастрофе два года назад, — Цзо Цянь не хотела признавать, что тот человек был возлюбленным её брата, но так врачу будет понятнее.

Сопоставив информацию, Пэн Цзэфэн сказал:

— Если обобщить, твой брат считает: если мир виртуален, то невозможное возможно, и тот человек сможет вернуться. В этом корень его убеждений.

Цзо Цянь покачала головой:

— Я не понимаю.

— Проще говоря, Цзо И нуждается в мощной вере — например, что мир ненастоящий. Тогда он сможет измениться сам и через это преобразовать мир под свои ожидания. — Пэн Цзэфэн уловил одну из причин, но был уверен: дело не только в желании сбежать от реальности.

Цзо Цянь криво усмехнулась, стараясь скрыть негатив, но Пэн Цзэфэн всё отчётливо видел. Похоже, она была недовольна братом?

— Расскажите, что вы думаете о состоянии брата.

Что я думаю?

— Он вечно создаёт проблемы. Из-за какого-то мужчины довёл себя до психического расстройства. Хах, — Цзо Цянь холодно рассмеялась, решив не церемониться. — Доктор, вы сможете вылечить его за один сеанс? Причина-то известна. У нас нет денег на многократные визиты.

Пэн Цзэфэн впервые сталкивался с тем, кто так откровенно ставит деньги выше здоровья родственника. Вообще, это не редкость — многие отказываются от лечения из-за финансов.

Но его услуги известны своей дороговизной, и те, кто к нему обращаются, обычно готовы платить — они хотят вернуться к нормальной жизни или помочь близким.

Однако, раз уж он взялся, бросать пациента не станет.

— Не беспокойтесь о деньгах. Я возьму только предоплату, при условии излечения, — тон Пэн Цзэфэна оставался ровным, без эмоций. — Что до состояния Цзо И... главная причина, вероятно, в вас.

Пэн Цзэфэн редко пользовался риторическими вопросами — предпочитал простые, независимые утверждения. Но когда он их применял, это неизменно давило на собеседника.

Цзо Цянь не выдержала:

— Чушь!

— «Какой-то мужчина»... вы презираете чувства брата, верно? Считаете его мерзким, позорящим семью. И постоянно даёте ему это понять — всё, кроме прямого «гомосексуалисты должны умереть», — Пэн Цзэфэн сложил руки, подперев подбородок, и пристально смотрел на неё.

Лицо Цзо Цянь побагровело. Она ударила кулаком по столу:

— Мы возлагали на него все надежды для того, чтобы он путался с мужчинами? Гомосексуализм — это мерзость! Разве он не должен был исчезнуть из нашей семьи? Если бы не звонок с его работы, что он несёт бред и нам надо его забрать, вы думаете, мы бы с ним связались? В нашей семье нет такого отребья!

Пэн Цзэфэн не отводил взгляда:

— И что же? Что именно вы ему делали и говорили?

Цзо Цянь внезапно ощутила страх от этой спокойной, лишённой угроз фразы. Ей захотелось выложить всё и поскорее уйти, но она не считала, что сделала что-то не так. Неправ был один Цзо И!

Она почти завизжала, голос стал высоким и пронзительным:

— Он должен быть благодарен, что мы не вышвырнули его сразу! С детства он никогда не достигал поставленных целей. Почему у меня получалось, а у него — нет? Он вечно ленился! Разве войти в тройку лучших в классе — сложно? Я всегда была первой! А он? В двадцатке! Что это вообще такое?

Не обращая внимания на размахивающую руками женщину, Пэн Цзэфэн спокойно достал из ящика жвачку и отправил в рот три подушечки — две казались ему пресными.

Жевание отвлекло большую часть внимания, и он продолжил слушать.

— Не можешь быть лучшим — хотя бы не позорь! Но что он? Ни разу не заставил нас гордиться. Я с ним занималась, занималась — и он поступил в заурядный вуз. Другие получают сертификаты, выигрывают конкурсы, а он? Вогнал нас в шок, связавшись с женщиной!

Недостаток способностей — не оправдание жестокости к родному человеку. Но говорить об этом было бесполезно. Пэн Цзэфэн жевал, раздумывая, не попробовать ли в следующий раз жвачку из страны D — эта слишком быстро теряла вкус.

— Ладно, не захотел исправляться, порвал с нами — а потом довёл себя до психиатра, и мы ещё должны искать ему врача и содержать! Мы сделали для него всё, что могли. Ругайте нас, если хотите — для нас он просто мусор, — к концу речи Цзо Цянь успокоилась, но слова её стали лишь жёстче.

— Тогда скажу прямо, — Пэн Цзэфэн поднялся, давая понять, что разговор окончен. — Помоему, мусор — это вы.